

могущественное влияние к тому, чтобы Китай как можно скорее принял наши условия относительно Маньчжурии <...> Этим путём Китаю будет возвращена Маньчжурия, ныне по праву завоёванная [и] фактически нам принадлежащая. Всякая проволочка в принятии предложенных нами условий будет лишь укреплять существующее положение»¹²⁹. Тем не менее, к концу февраля 1901 г. терпение министра финансов истощилось, и по его просьбе Д.Д. Покотилов заявил Ли Хунчжану, что С.Ю. Витте сомневается в содействии китайца России¹³⁰. Разумеется, никакого эффекта и это обращение не возымело. Одновременно С.Ю. Витте решил, что России следует идти навстречу пожеланиям Ли Хунчжана (это была ещё одна большая ошибка), несмотря на оговорку, что «нам не следовало бы выражать особую уступчивость»¹³¹. 24 февраля 1901 г. по распоряжению царя совещание трёх министров пересмотрело проект сепаратного договора¹³². Участники согласились с возможностью приглашения иностранных военных инструкторов в китайскую армию и с присутствием её в Маньчжурии, а запрет на выдачу концессий иностранцам ограничились только Маньчжурией. Однако к оставшимся условиям сановники добавили ультиматум – подписать соглашение в двухнедельный срок¹³³.

8.6. Второй вариант сепаратного договора

Казалось бы, что на новых условиях соглашения следовало стоять твёрже, чем в предыдущем случае. Однако Петербург продолжал демонстрировать труднообъяснимую мягкость. Несмотря на заявление С.Ю. Витте («Никаких дальнейших изменений сделано не будет и что если в назначенный срок соглашение не будет подписано, то мы будем считать себя в дальнейших действиях совершенно свободными»)¹³⁴, Россия сразу же приняла поправки, предложенные Ли Хунчжаном. Конечно, они оказались мелкими, но для китайца явились важным сигналом: Россия и дальше будет отступать, поэтому переговоры надо затягивать, одновременно выторговывая всё новые и новые уступки. Петербург попался на эту удочку. Ли Хунчжан изобразил удовлетворение как новой редакцией соглашения (требования России «вполне справедливые», их также

¹²⁹ Телеграмма С.Ю. Витте Д.Д. Покотилу 10 февраля 1901 г., одобренная Николаем II // Там же. Оп.22. Д.211. Л.23. Она была предварительно обсуждена с В.Н. Ламздорфом, согласившимся с тем, что эвакуация Маньчжурии без всяких условий невозможна (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 10 февраля 1901 г. // Там же. Л.21).

¹³⁰ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 1 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.210–211.

¹³¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 22 февраля 1901 г. // Там же. Д.198. Л.63–65.

¹³² Симанский П.Н. Указ. соч. С.120–121; Пролог... С.146.

¹³³ Исправленный проект сепаратного соглашения с Китаем // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.77–79; Романов Б.А. Указ. соч. С.303.

¹³⁴ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 25 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.35; Симанский П.Н. Указ. соч. С.122.

одобрил князь Цин), так и обещанной взяткой¹³⁵. Николай II уже предположил, что «через две недели мы покончим с этим делом»¹³⁶. Не тут-то было! Несмотря на то, что 27 февраля 1901 г. китайский посланник в Петербурге Ян Ю получил новый текст российских предложений с ультиматумом – подписать его в двухнедельный срок¹³⁷, двор в Сианьфу, совершенно не испугавшись, отправил дипломату крайне неопределённые инструкции¹³⁸, а затем, 11 марта 1901 г., прямо распорядился – соглашение не подписывать¹³⁹. Ещё до этого, 28 февраля, появился указ богдыхана, в котором открыто говорилось о сепаратных переговорах и о необходимости исправить русский проект.

В поддержку своей позиции правители Поднебесной опять мобилизовали прессу. Со 2 марта 1901 г. в японской печати пошла волна сообщений из Пекина о заключении русско-китайского договора из 12 пунктов. В них весьма точно излагалось содержание русского проекта, причём впервые огласку получила статья о запрете Китаю предоставлять концессии иностранцам в Маньчжурии, Монголии и китайском Туркестане, а также то, что категорически против этого условия выступили генерал-губернаторы южных провинций империи (что означало явный удар по Ли Хунчжану)¹⁴⁰. Господствующее настроение в Японии выразила «Japan Weekly Mail» 9 марта 1901 г.: если это правда, «то, конечно, этим создаётся положение, невозможное для остальных держав»¹⁴¹. Такого вывода и добивался Пекин. Но в тоне японской прессы в тот момент доминировала растерянность, а не решительность. Правда, вскоре она спровоцировала военную тревогу – в апреле 1901 г. в Стране восходящего солнца всерьёз заговорили о возможной войне с Россией¹⁴². Это немедленно обернулось глубоким банковским кризисом: 16 апреля 1901 г. два банка объявили о приостановке платежей, а 18 апреля пошла цепная реакция. Завершилась она падением кабинета Х. Ито 2 мая 1901 г.¹⁴³ Японские власти сделали и другие выводы: весной 1901 г. Токио выступил с инициативой союза с Англией (до этого англичане опасались усиления японского влияния в Китае, в чём неоднократно искали понимания в Петербурге, правда, без успеха).

¹³⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 4 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.217.

¹³⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 25 февраля 1901 г. // Там же. Оп.22. Д.211. Л.40–41.

¹³⁷ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 28 февраля 1901 г. // Там же. Л.43.

¹³⁸ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилу 11 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.868. Л.228.

¹³⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 11 марта 1901 г. // Там же. Л.230.

¹⁴⁰ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.423–424.

¹⁴¹ Там же. С.439.

¹⁴² Там же. С.498.

¹⁴³ Там же. С.544–545.

В российских кругах решение Пекина 11 марта не подписывать соглашение вызвало некоторую растерянность. Д.Д. Покотилов пытался объяснить твёрдость китайцев японским влиянием: Токио обещал содействовать удалению России из Маньчжурии. Кроме того, представители Англии и Японии сильно давили в Пекине на правительство, требуя отклонить договор¹⁴⁴. Вспомнили также, что Ли Хунчжан столкнулся с сильной оппозицией «придворной партии» и китайских дипломатов в европейских столицах¹⁴⁵. В ответ Д.Д. Покотилов предлагал жёсткие действия: «На двор в Сианьфу можно, очевидно, влиять лишь такими мерами как высылка Ян Ю из Петербурга и немедленным отрешением от должностей всех цзянь-цзюней в Маньчжурии с восстановлением нашего военного управления»¹⁴⁶. Однако Николай II на это лишь меланхолично заметил: «Очевидно, на дальнейшие уступки нам идти нельзя»¹⁴⁷. Царь решил, что после отказа Пекина подписать соглашение Россия получила «полную свободу действий»¹⁴⁸. Это была иллюзия. Петербург терпел поражение в любом случае. У него имелся лишь один разумный выход – прервать переговоры и выводить войска, не настаивая ни на каких особых условиях. Это хотя бы не связывало Россию и не усложняло проблему. Требовать заключения сепаратного соглашения с монополией на концессии с самого начала было нереалистично. Любые меры, клонившиеся к «закрытию» Маньчжурии для всех, кроме русских, гарантировали немедленный и единодушный протест держав (за исключением Франции). Втянувшись в сепаратные переговоры, Россия, несомненно, угодила в ловушку, подготовленную китайцами.

С.Ю. Витте, игравший в этой истории главную роль, и после этого не сделал должных выводов относительно политики Петербурга. В марте 1901 г. он продолжал пугать Ли Хунчжана: «Китай ведёт с нами опасную игру. <...> Всякому терпению есть предел», и если в течение нескольких дней китайский посланник не подпишет договор, Россия пересмотрит «доброжелательные отношения к Китаю» и начнёт действовать «в самом непримиримом направлении»¹⁴⁹. Пекин подобные угрозы уже совершенно не смущали. Чтобы охладить пыл Петербурга, китайское руководство немедленно известило о своём решении

¹⁴⁴ Симанский П.Н. Указ. соч. С.122–129.

¹⁴⁵ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 28 февраля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.44–45. Позднее Д.Д. Покотилов перечислил основных противников соглашения с Россией: член Государственного совета Лу Чуанли, хучунский генерал-губернатор Чжан Чжидун, его нанкинский коллега Лю Кун-и (Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 18 марта 1902 г. // Там же. Л.88 об.).

¹⁴⁶ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 11 марта 1901 г. // Там же. Оп.28. Д.14. Л.117.

¹⁴⁷ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 8 марта 1901 г. // Там же. Д.198. Л.103.

¹⁴⁸ Резолюция Николая II на телеграмме Д.Д. Покотилова С.Ю. Витте 10 марта 1901 г. // Там же. Л.227.

¹⁴⁹ С.Ю. Витте – Д.Д. Покотилову 13 марта 1901 г. // Там же. Д.199. Л.6.

отклонить проект сепаратного договора Лондон и Токио, небезосновательно рассчитывая там на поддержку¹⁵⁰. 12 (25) марта 1901 г. В.Н. Ламздорф услышал предостережение от японского посланника относительно русско-китайского соглашения, в котором нарушаются права других держав. Понимание пришло и из Вашингтона: США как раз в те дни в очередной раз потребовали соблюдения принципа «открытых дверей» в Китае¹⁵¹. Только после этого Николай II принял решение окончательно отказаться от идеи сепаратного соглашения, заключив, что «Россия от этого ничего не потеряет»¹⁵².

21 марта 1901 г. МИД разослал российским представителям за рубежом инструкцию, гласившую, что Петербург окончательно отказался от заключения с Китаем специального соглашения о выводе русских войск из Маньчжурии¹⁵³. 23 марта 1901 г. «Правительственный вестник» начал

¹⁵⁰ Симанский П.Н. Указ. соч. С.132. Однако поддержка Китая со стороны Лондона и Токио носила весьма умеренный характер. Корреспондент газеты «Токио-асахи» сообщал из Пекина, что князь Цин, посетив с русским проектом несколько дипломатических миссий, не смог заручиться обнадеживающими, обещаниями, «что бы придало ему храбрости и решительности, необходимых, чтобы совершенно отвергнуть требования России» (Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института»). 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.473). Причина этого крылась, вероятно, в том, что соперники России были пока разобщены, а Англия к тому же серьёзно связана войной в Южной Африке.

¹⁵¹ Пролог... С.153–162 (это пересказ содержания английской «Синей книги»); Романов Б.А. Указ. соч. С.303–312. Может быть, Б.А. Романов несколько преувеличил значение разговоров и зондажа почвы, но общая тенденция несомненна. Собственно политикой «открытых дверей» (она, кстати, английского происхождения) называют действия Вашингтона, начиная с циркуляра государственного секретаря Дж. Хэя 6 сентября 1899 г., в котором требовались равные возможности для всех держав в Китае. К этому циркуляру быстро присоединились (то есть, приняли принцип) большинство великих держав: 29 сентября 1899 г. – Англия, 16 декабря – Франция, 18 декабря – Россия, 26 декабря – Япония, 7 января 1900 г. – Италия, 17 февраля 1900 г. – Германия. Показательно, что Россия также поддержала декларацию, и всё это произошло до начала боксёрского восстания 1900 г. Присоединению предшествовало довольно бурное обсуждение циркуляра Дж. Хэя в российском руководстве. С.Ю. Витте не соглашался с предложением США, чтобы все державы в Китае пользовались одинаковыми таможенными тарифами. На телеграмме А.П. Кассини из Вашингтона 10 декабря 1899 г. он оставил резолюцию: «"Да" на нашей дороге по отношению всех иностранных товаров, но не наших» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.285). М.Н. Муравьёв пробовал увещевать С.Ю. Витте, что России невозможно идти наперекор «общественному мнению» большинства держав (М.Н. Муравьёв – С.Ю. Витте 10 декабря 1899 г. // Там же. Л.281), но министр финансов остался непреклонен. Соглашаясь ввести в Даляньване порто-франко, он категорически отказывался установить равные тарифы для всех товаров на КВЖД (С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 14 декабря 1899 г. // Там же. Л.286–288).

¹⁵² В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 18 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.199. Л.16; Симанский П.Н. Указ. соч. С.134; Романов Б.А. Указ. соч. С.303.

¹⁵³ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.199. Л.26; Пролог... С.162–163.

публиковать пространное сообщение, в котором была представлена точка зрения России на события в Китае с 1900 г. с целью оправдать собственную политику¹⁵⁴. Но какие-то решения относительно дальнейшего образа действий в Северном Китае всё равно следовало принять. Свой рецепт предложил главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев. Он заключил, что спокойствие в Маньчжурии могло быть достигнуто «лишь при постоянной оккупации страны войсками, расположенными гарнизонами в крупных центрах». Международные протесты адмирал отметал. По его мнению, не протестуя против концессии на КВЖД, державы «тем самым признали наше право защищать эту дорогу наиболее подходящими для нас средствами». Единственное возражение Е.И. Алексеев предвидел со стороны Японии. Удовлетворить Токио он предполагал «на почве корейского вопроса», выговорив себе в ответ «полную свободу действий в Маньчжурии хотя бы путём уступок и временных компромиссов»¹⁵⁵. Разумеется, такое рассуждение являло собой чистейший дилетантизм, так как любая «свобода действий» России в Маньчжурии была полной иллюзией – на неё не согласилось бы большинство держав. В целом же активность Е.И. Алексеева свидетельствовала, что среди русских чиновников на Дальнем Востоке доминировали весьма агрессивные настроения. Правда Петербург с ними мало считался.

Со своей стороны, в Пекине также понимали, что с Россией надо договориться о Маньчжурии, но там отложили эту непростую тему до завершения переговоров с представителями всех держав об общем размере и порядке выплаты компенсаций иностранцам, пострадавшим в ходе боксёрского восстания¹⁵⁶. В этом решении проявился ещё один важный аспект переговоров – отсутствие единства в китайском руководстве в отношении России. Южные кланы всё активнее выступали против всякого сепаратного соглашения с Петербургом и, соответственно, против Ли Хунчжана. Лю Кун-и и Юань Шикай уверяли двор, что ему следует вернуться в Пекин и что никакой войны с Россией из-за отклонения договора не будет¹⁵⁷. Падение влияния Ли Хунчжана явственно проявилось в создании в Пекине в мае 1901 г. «Совета реформ» из шести членов. Не менее половины из них проявили себя как активные и энергичные антизападники. На их фоне Ли

¹⁵⁴ Пролог... С.163–170.

¹⁵⁵ Е.И. Алексеев – А.Н. Куропаткину 6 марта 1901 г. (копия) // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.1–8.

¹⁵⁶ Д.Д. Покотилев – С.Ю. Витте 24 марта 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.14. Л.139.

¹⁵⁷ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». 1-й год издания. С 25-го июля 1900 г. по 15-е августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.478.

Хунчжан выглядел слабохарактерным деятелем минувшей эпохи¹⁵⁸. Его время стремительно уходило в прошлое, на смену появились молодые и решительные политики, в глазах которых престарелый сановник не имел достаточного авторитета.

На такой, совсем не мажорной для Петербурга ноте завершился первый период переговоров о заключении сепаратного соглашения с Пекином (декабрь 1900 – март 1901 гг.). Российскому руководству пришлось проделать путь от иллюзии лёгкого закрепления за собой всего Северного Китая как сферы исключительного экономического господства до полного разочарования и понимания того, что и там России придётся столкнуться со своими конкурентами, которые были ещё и экономически значительно сильнее. Конечно, нельзя не признать, что китайцы повели себя в трудной ситуации весьма грамотно. Но они ведь не продемонстрировали ничего оригинального, приём сталкивать лбами потенциальных захватчиков уже неоднократно использовался Пекином. Вдвойне странно, что на эту удочку так легко попался С.Ю. Витте, который не мог не понимать, что конкуренты России на Дальнем Востоке не позволят ему с лёгкостью удалить их оттуда. И тем не менее, министр финансов не устоял перед соблазном решить задачи доминирования в Северном Китае совсем не экономическими методами. Многие за границей подчёркивали связь между действиями С.Ю. Витте в Китае и общей экономической ситуацией в России. Так, корреспондент «Times» 2 (15) марта 1901 г. сообщал из Вены, что России придётся идти на уступки в Китае из-за неудовлетворительного положения внутренних дел и финансовых проблем, так как Петербургу не удалось заключить очередной заём ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке¹⁵⁹.

По большому счёту стремление С.Ю. Витте подкрепить договорными преимуществами желание экономически доминировать в Маньчжурии недвусмысленно свидетельствовало: министр финансов отдавал себе отчёт в том, что он не имел возможностей добиться этого иным путём. Все прежние рассуждения о том, что Китай должен быть «наш» в смысле экономическом оказались не более чем мечтами. Своевременное признание их невоплотимости позволило бы избежать большого числа ошибок. К сожалению, этого не произошло. С.Ю. Витте лишь ограничил размах своей активности Северным Китаем и перестал делать ставку на экономическую экспансию, так как у него не имелось достаточно денег. Министр финансов также был готов отказаться в случае необходимости от всего, кроме КВЖД.

8.7. Местные китайские власти и выдача концессий

Одновременно с общими переговорами двух правительств в начале 1901 г. активно продолжались контакты на более низком, местном уровне,

¹⁵⁸ Там же. С.596–597.

¹⁵⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.198. Л.94.